

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

УДК 316.728

О.Л. Лейбович

Пермский государственный институт искусства и культуры

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Рассмотрены основные интерпретации города в социологических теориях XX в. Особое внимание уделено проблемам городской социальной политики.

Ключевые слова: М. Вебер, социология, город, теории, социальная политика.

Очень сложно найти определение простым, казалось бы, очевидным явлениям: городу, например. Когда трудно сформулировать дефиницию, как правило, используют метафоры. Елена Трубина – автор, наверное, лучшего учебника по урбанистике, изданного на русском языке [37], вслед за П. Лангером, предлагает на выбор несколько вариантов: «город как базар, город как джунгли, город как организм и город как машина» [36].

Даже тематические учебные антологии, выставленные на университетских сайтах, начинаются с соответствующего высказывания Макса Вебера: «Eine Stadt kann man in sehr verschiedenen Art zu definieren versuchen» [24. S.621]. В переводе М. Левиной этот пассаж звучит так: «Дефиниции “города” могут быть самыми различными по своему характеру» [26. С. 309].

Это высказывание знаменитого немецкого социального философа представляется сегодня столь же актуальным, как и век назад. И если Вебер извлек городскую тему из прежних изводов

¹ Первоначальный вариант статьи был опубликован в коллективной монографии: Городские миры: опыт гуманитарного исследования / под ред. А.Н. Кабацкова, О.Л. Лейбовича. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006.

Статья подготовлена при поддержке ЦФИ НИУ ВШЭ.

общественной мысли, где она раньше обреталась, а именно: из культуркритики и социальной утопии, то в социологии он только поместил ее в проблемное поле, складывающееся из нескольких базовых элементов. Речь идет об особой организации пространства, о способах занятости жителей, технологиях экономического обмена и формах социальной коммуникации, по преимуществу, рыночных. Вебер сформулировал вопросы, вокруг которых продолжается дискуссия о городе в течение последних десятилетий.

Впрочем, к исследовательской программе М. Вебера социологи обратились спустя поколение. В 30-е гг. над умами градостроителей господствовала другая идея: не изучать, но немедленно перестраивать. «Надо отказаться от исторического наследства, – писал один из участников дискуссии о будущем социалистическом городе, – это легко сделать, так как все находится в распоряжении Советов» [30. С.9].

В дискуссии, развернувшейся в советской печати на рубеже 20–30-х гг., обсуждались два грандиозных проекта. Согласно первому, необходимо было создавать благоустроенные компактные городские поселения – на 40–50 тысяч жителей, размещенных в домах-коммунах. Дом-коммуна, по замыслу проектировщика, был рассчитан на 2–3 тысячи взрослых (детей предполагалось селить отдельно), обслуживаемых фабриками-кухнями, общественными прачечными и т.д. Дому-коммуне соответствовал город, выстроенный по образцу «производственно-жилищно-культурного комбината» [33. С. 44–46, 90, 98].

Второй проект, напротив, предлагал отказаться от городской формы социальной жизни. «Социалистическое расселение – это и не город, и не деревня. Отсюда выходит, что рабочих новых промышленных комбинатов, заводов, фабрик, так же как и совхозов, мы расселяем по-новому и на одних и тех же основаниях. На место городской скученности, городских скоплений, городской концентрации людей, зданий, вещей – внегородское, безгородское, децентрическое расселение. На место принудительной близости людей в городских условиях – максимальная отдаленность жилищ друг от друга, основанная на автотранспорте. На место отдельной комнаты рабочему – отдельное строение» [31].

Эта дискуссия, ныне принадлежащая истории общественной мысли или, точнее, истории утопической мысли, сегодня

приобретает актуальность в связи с новыми проектами переустройства города. Условия задачи не изменились: как приспособить тип поселения, сложившийся в прежних общественных условиях (социалистических, индустриальных), к иным социальной и технологической организации. И способы решения предлагаются похожие: только вместо «домов-коммун» с общественной организацией быта – «шестиэтажные дома, построенные по периметру небольших кварталов ... – это примерно 70 на 70, или 100 на 100 метров. Внутри этого квартала будет не общественное пространство, а частная территория для жителей дома» [38. С. 16].

Критика больших городов, ставшая своего рода визитной карточкой романтического мировоззрения в XIX столетии, и по сегодняшний день сохраняет свое значение в массовом сознании их обитателей. В ней переплетены естественные групповые реакции на сложности и противоречия современного мира с мучительными переживаниями горожанина по поводу разности масштабов его собственного физического и социального тела и гипертрофированных размеров среды обитания («Город – это кухонные принадлежности, которые столь велики, что в повседневной жизни таковыми уже и не называются» [10]), с повторяющимися индивидуальными ощущениями потерянности в громадном и равнодушном мире. Критика большого города легитимирована авторитетными художественными текстами, размноженными и профанированными в бесчисленных разножанровых римейках: песенных, кинематографических, телевизионных, игровых.

Городские социологи, во многом благодаря М. Веберу, сторонятся общественных настроений подобного рода и, как правило, не участвуют в идеологических кампаниях по обличению урбанистической цивилизации. Более того, они пытаются сохранить в неприкосновенности социальные основания исследовательского предмета, не разбавлять его ни психологическими сюжетами, ни биологическими подходами. В этой связи представляется уместным напомнить, что чикагская школа Р. Парка и Э. Берджеса, приступившая к городским исследованиям ранее и независимо от М. Вебера, в своих исходных теоретических принципах находилась под сильным влиянием дарвинизма. Они «...невольно переносили в социологию образцы исследования и обобщения из области экологии растений...» [22.

S. 225]. На эту сторону концептуального содержания экологической школы (так ее иногда называют) обращает внимание и Е. Шацкий [21].

Иное дело, развитие собственно социологических концепций города. Здесь у М. Вебера не так уж много последователей, как это могло бы показаться. В немецкой социологии только Г.П. Бардт попытался развить основную идею своего великого предшественника, указавшего на коренную связь города и рынка. Городская жизнь, по мнению Бардта, организуется по рыночному принципу, который «...гарантирует неограниченный выбор контактов каждого с каждым, открытость социальных возможностей для горожанина, во власти которого решать, с кем, когда, каким образом и как долго поддерживать эти контакты» [1. S. 40].

Рыночная организация города поддерживается поляризацией публичной и приватной сфер жизни в нем. «Город – это поселение, в котором повсюду, в том числе и в повседневной жизни, проявляется тенденция к поляризации между общественным и частным» [1. S.38].

Приватность воплощается в доме, семье, дружеской кампании; публичность — в улице, политических учреждениях, промышленных и торговых предприятиях. Полярность приватности и публичности предполагает неполную включенность горожанина в территориальную общность, что обеспечивает ему личную независимость и политическую свободу. «...Социальная жизнь в нем (в большом городе. – О.Л.) приобретает специфическую упругость, динамизм и сознательность» [1. S. 56].

Несколько в ином ключе попытался развить веберовские идеи Л. Вирт. Повторив в слегка отредактированном виде определение города как «...относительно крупного, густо заселенного и продолжительное время существующего поселения социально различающихся друг от друга индивидов...», он сделал акцент на специфике урбанистического образа жизни. Вирт обнаружил в нем преобладание деловых, кратковременных, анонимных связей, снижение значимости территориальных общностей и соседских контактов, многообразие целевых групп, разнородность культурных ориентиров, неустойчивость социального статуса горожанина, усиление социальной мобильности [25. P. 1–24]. Спустя десятилетие эти идеи вошли в социологическую моду, приобрели положение и функции исследовательской парадиг-

мы, смысл которой лапидарно выразил Р. Кениг: «Сегодня большой город – это не просто крупное многолюдное поселение, это, прежде всего, особый тип жизни» [13. S. 15]. На всех языках социологи принялись разрабатывать тему специфических городских жизненных форм: социальной изоляции, слабости соседских контактов, экстерриториальности, потребительства, ориентации на комфорт и пр. Очень много и подробно писали о бытовых удобствах. От канализации и мусоропроводов вели отсчет времени становления городских жизненных форм [19. S. 4–5].

Социологи дискутировали о том, насколько предложенные Виртом характерные черты урбанизма верны для нового – послевоенного – времени. Особенно оживленно обсуждался тезис об экстерриториальности социальных коммуникаций. Слишком много фактов, извлеченных из конкретных исследований, свидетельствовало об обратном. Так, У. Гуд, изучавший семейные отношения в Америке 60-х гг., установил, что «амур далеко не летает». Не менее половины браков совершались между молодыми людьми, проживавшими друг от друга на расстоянии не более мили [11. S. 70]. Для того чтобы «отремонтировать» парадигму, в ход была пущена дополнительная концепция рурализации, или, иначе говоря «...процесс распространения за пределы деревни произведенных в ней предметов быта, а также ценностей и моделей поведения, соединенных с разными формами воспроизводства и сохранения их в иных сообществах. Речь здесь идет о сообществах городских» [18. S. 52–53].

В советской социологической литературе, так же как и в литературе других социалистических стран, урбанизм был распространен не в меньшей степени, нежели в американской или западноевропейской. Его содержание в основном укладывалось в виртовскую парадигму. Идеологические коннотации можно было обнаружить в фигурах умолчания (о рыночном характере городской культуры предпочитали не упоминать), да разве что в избыточном оптимизме. Последним особенно отличались социологи из ГДР, первыми включившие в свой лексикон термин «социалистический урбанизм» [23. S. 444].

Одновременно с ним были в ходу идеи, восходящие к романтической культуркритике. Писали, например, о том, что город «...угнетает не только организм, но, прежде всего, личность большинства людей своими каменными мешками, шумом, не дающим покою ни днем, ни ночью, скученностью, лишаящей

уединения и гонкой, не дающей возможности сосредоточиться, поразмыслить» [32. С. 248]. Однако суждения такого рода оставались маргиналиями на полях большого социологического текста, в котором доминировала прямо противоположная идея: «Крупные города оказывают стимулирующее воздействие на развитие личности» [39. С. 46]. И чем город больше, тем его культура является более эффективной, в том числе и с точки зрения развития социалистического производства [34. С. 33].

Господство урбанистической парадигмы (именно так можно назвать концепцию Л. Вирта) не было продолжительным. В 70-е гг. против нее ополчилось новое поколение социологов, предводительствуемое М. Кастельсом и Р. Палем. «Мы полагаем, – заявляли бунтари, – что социология города не может развиваться в ситуации, когда она перестала решать основные вопросы, характеризующие главную исследовательскую область этой дисциплины: только поворот к этим основным вопросам может обеспечить ее плодотворное научное развитие. По нашему мнению, это изучение общества с его разделением власти и иных материальных благ, со структурными ограничениями жизненных шансов, с моделями и ходом осуществления конфликтных процессов» [12. Р. 2].

По мнению Кастельса и его товарищей, урбанизм как стиль поведения был ничем иным, как собственно буржуазным образом жизни. И все его свойства имели отношение не к городу как к таковому, но к социальной структуре капиталистического общества. Возьмем частный случай городского благоустройства – борьбу за гигиену городских улиц и жилищ, сооружение стоков, постоянную уборку мусора, водопровод, канализацию и прочие домашние удобства – и там мы обнаружим, прежде всего, основополагающие черты «...частной буржуазной жизни – рациональность, регулярность и чистоту, в которых выражается, все то, что Фрейд характеризует как анальную стадию...» [2. S. 156].

И, стало быть, темы, разрабатываемые последователями Л. Вирта, являются поверхностными и насквозь идеологичными. Сами социологи некритично оперируют сомнительными и двусмысленными терминами, позаимствованными из масс-медиа, распространяют мифы об особой городской культуре, постоянно смешивают понятия, вводят в заблуждение и самих себя и читателей [3. Р. 5–7; 4. Р. 77].

Публичное пространство, организованное сугубо по принципу экономической рациональности, поработает горожанина в той же мере, что и капиталистическая фабрика работника. Также и «...квартира не является очагом свободы» [14. S. 74]. Действуют фильтры, регулирующие доступ горожан к достижениям цивилизации, и фильтры эти экономические: прежде всего, уровень доходов [15. P. 201]. Свобода выбора, «...столь близкая сердцу американских социологов <...> существует только для одного класса – класса имущих. Другой класс не имеет ничего другого, как принимать то, что ему остается» [16. P. 1267].

Макс Вебер больше не являлся бесспорным авторитетом. Следовало обратиться к Карлу Марксу. Именно он некогда отождествил буржуазные отношения с отношениями городскими [28. С. 470]. Более того, Маркс сконструировал исследовательское поле, позволяющее вскрыть содержание городских отношений, – общественную формацию, чье содержание детерминировано способом производства. Стало быть, им определяются и все структурные элементы общества, в том числе и территориальные. «Каждый способ производства, а большинству своем и каждый этап в развитии способа производства влечет за собой специфическую сегментацию пространства» [4. P. 443]. И если понимать под городом особую форму пространственной организации жизни людей, то и изучать его следует, прежде всего, как элемент экономической системы в контексте воспроизводства рабочей силы и средств производства.

Такой представляется модель рассуждений М. Кастельса и его последователей, описывающих город в терминах политической экономии. Город, или, как предпочитает называть его Кастельс, городская система – это, прежде всего, социальная инфраструктура капиталистического производственного процесса. Содержание городской жизни совпадает с процессом коллективного потребления жилья, услуг, образования [4. P. 445].

Городские сооружения привязаны к местности, обречены на длительность существования – и по этой причине не являются притягательными для частных инвестиций [9. S. 27].

Экономическая особенность инфраструктуры состоит в том, что инвестиции в жилище, транспорт, систему здравоохранения дают основной экономический эффект в иных отраслях производства – и только спустя продолжительное время. Иначе говоря, городское хозяйство – хозяйство не рыночное, хотя и нахо-

дится в прямой зависимости от состояния экономической конъюнктуры [17. S. 150].

Главные социальные процессы в городе – это спонтанные общественные движения, по мысли Кастельса, являющиеся практиками, «...развитие которых объективно смещается в направлении структурных изменений городской системы или в направлении сущностных модификаций властных отношений (в последнем случае в результате классовой борьбы)» [4. P. 432].

Советские социологи новые подходы к изучению города проигнорировали. Только в работах М. Межевича, ставивших под сомнение сам факт городской социальности, можно обнаружить их следы [29. С. 33].

Главной причиной такого невнимания можно считать корпоративные интересы. Отечественные социологи, только что отстаивавшие свою профессиональную автономию от посягательств социальных философов – толкователей исторического материализма, вовсе были не склонны сдать позицию политэкономам социализма. Для социологов город оставался темой, оставшейся на периферии идейного противоборства. Западный и социалистический город, казалось, можно было исследовать при помощи единого инструментария: «Мы работаем, живем, преимущественно, в довольно одинаковых по своей инфраструктуре городах, питаемся (в Европе) примерно одинаково, жилье устроено также сходно, пользуемся кино, радио, телевидением, автомобилем и т.д.» [35. С. 75]. В социологии труда, например, так говорить, а особенно писать было тогда совершенно невыносимо. И вот на эту свободу покушались единомышленники Кастельса, настаивавшие на том, что город, как и труд, следует изучать строго в контексте противоположных способов производства. Такой подход мог быть воспринят советскими социологами однозначно: западные недоумки протягивают руку помощи партийным староведам, ждущим благоприятного момента, чтобы расправиться с новой идеологически сомнительной дисциплиной.

Тем более, что сюжеты, актуализированные новой городской школой (государственная и муниципальная инвестиционная политика, соотношение интересов частных корпораций и территориальных сообществ, баланс политических влияний региональных, муниципальных и общенациональных властей), казались и далекими и чужими. Вряд ли кому-нибудь из пионеров отечественной социологии могла придти в голову мысль, что спустя двадцать лет

доморощенные тетчеристы в министерских и губернаторских креслах будут стараться извлечь прямую выгоду от работы медицинских и образовательных учреждений, рассуждая о внедрении социальных проектов с экономическим эффектом.

Скорее всего, вышеуказанные обстоятельства оказали определяющее воздействие на позицию советских социологов, отвергших притязания западных бунтарей по-иному подойти к изучению городских реалий. Им помогло и то, что марксизм Кастанельса был отягощен альтюсеровскими структуралистскими интерпретациями, чуждыми отечественному теоретическому сознанию [4. P. 438].

Новая городская социология, вопреки или благодаря своему радикализму, оказалась востребованной для нужд коммунального управления. Именно с ней вошли в практику городское планирование, инвестиционный менеджмент, новые проекты застройки, более благоприятные для развития социальных коммуникаций. Ее влияние на социологическую мысль оказалось менее продуктивным. Действительно, все исследователи, принадлежавшие к этой школе, стремились обнаружить «...решение городских проблем и процессов в социальной структуре и общесоциальных процессах, интересуясь взаимоотношениями между государственной политикой и городскими проблемами, стремясь выяснить механизмы распределения городских ресурсов, подчеркивая значение макропроцессов (например, значение политики монополизации инвестиций) для города. <...> Они надеются, что постепенно, благодаря практике, разовьют соответствующую методологию и теоретические основания», – резюмировала свои наблюдения над новой городской социологией польская исследовательница [20. S. 120].

Надеждам этим не суждено было сбыться. Изъятие темы культуры из анализа городских общественных процессов лишило последние их собственного содержания. Город утратил всякую определенность, а с нею и интерес для исследователей. Вновь был поставлен вопрос: существует ли вообще город как социальное явление, как единица для социологического анализа.

«Город – это пустое слово для обозначения множества реалий: греховного Вавилона, священного Иерусалима, Ольденбурга в Ольденбурге, но также Калькутты, Спарты и Афин, немецких городов раннего средневековья – в среднем с 500-ми жителей – и Мехико-Сити сегодня, где проживают 30 миллионов.

Город ... был раньше обнесенным стенами островком цивилизации в море природы. Сегодня природа образует маленькие, заботливо сохраняемые островки в пространстве поселений Рурской области, или Босвоша (Boswash) – городской ленты, которая тянется вдоль американского восточного побережья от Бостона до Вашингтона. Есть ли смысл говорить о городе вообще? Общее в этом образовании заключается только в том, что в нем живут и работают люди, не занятые сельскохозяйственным производством – и только это служит ограничителем» [8. S. 7].

Эти немецкие социологи хотя бы не возражают против того, что город сохраняет свою определенность в пространственно-временном континууме, отмеренном исторической эпохой и сопряженным с ней типом общества.

Для их британского коллеги город, вернее, урбанистическая форма общества есть только трудноуловимый «...динамический феномен, постоянный в своих трансформациях» [6. P. 1].

Город растворяется в обществе или, по-другому, растворяет общество в себе. Весь мир – это большой город, стянутый нитями коммуникаций [5. S. 11].

При таком подходе изучение города как такового теряет смысл. Появляются новые темы. В тени большой урбанизации пропадают проблемы, связанные с опустошением городской жизни под влиянием кризисных явлений в экономике, того, что в германоязычной литературе получило странное наименование «стягивание (в ином переводе, сморщивание) городов». Французские социологи ранее называли этот процесс «стерилизацией». Речь идет о сокращении рабочих мест и одновременно жителей, покидающих города, в которых под влиянием экономических факторов закрывается производство. Эти процессы наиболее интенсивно и болезненно протекают в восточноевропейских и российских малых и средних городах «...чьи перспективы развития в последнее десятилетие драматически ухудшились» [7. S. 3–10]. В больших городах речь идет об угасании отдельных районов, превращение их в зоны социального бедствия.

Городская социология в России сегодня переживает сходные процессы. Новые командные общественные силы мало интересуются социальной ситуацией в городе, впрочем, так же как и на предприятиях. Сокращаются заказы на конкретные исследования. В лучшем случае их заменяют антропологические наблюдения над поведением отдельных групп горожан,

выделяющихся либо особыми поведенческими моделями, либо принадлежностью к новым социокультурным сообществам.

Теоретический багаж, с которым оставшиеся верными своему профессиональному призванию социологи обращаются к городским проблемам, как правило, укладывается в старую концепцию урбанизма, несколько скорректированную постмодернистскими интроспекциями с их преимущественным интересом к символическим практикам и потребительским ориентациям [27].

В таких условиях отечественная городская социология становится маргинальной отраслью социального знания, следующей в фарватере антропологических и культурологических исследований.

Библиографический список

1. Bahrtdt H.P. Die moderne Grossstadt. – Muenchen, 1961.
2. Berndt H. Hygienebewegung des XIX. Jahrhunderts als vergessene Thema von Stadt-Architektursoziologie // Die alte Stadt. – 1987. – № 2.
3. Castells M. Is there an urban sociology? Theory and Ideology in urban sociologie // Urban Sociology: critical essays. – Travistock Publ., 1976.
4. Castells M. The Urban Question. – London, 1977.
5. Fingerhuth C. Die Gestalt der postmodernen Stadt. – Zuerich, 1995.
6. Flanagan W. Contemporary Urban Sociology. – Cambridge, 1993.
7. Glock B. Schrumpfende Staedte // Berliner Debatte. Initial. – 2002. – № 2.
8. Haesermann H., Sibel W. Neue Urbanitaet. – Frankfurt am Main, 1987.
9. Knigge R. Infrastrukturinvestitionen in Grossstaedten. – Stuttgart, 1975.
10. Cor van Eesteren. Der Begriff der Stadt // Basistexte aus Stadtsoziologie-Club der TU Darmstadt(1998). – URL: <http://www.uni-muenster.de//peaCon/stadt/stadt-texte/StadtsoziologieTUDa.htm>.
11. Good W. Soziologie der Familie. – Muenchen, 1967.
12. Harloe M. Introduction//Captive city. – London, 1977.
13. Koenig R. Definition der Stadt//Die Stadt in der BRD. – Stuttgart, 1974.
14. May W. Stadtplanung und direkte Demokratie. – Bochum, 1975.
15. Pahl R. Urban Social Theory and Research // Whole City. – London, 1975.
16. Regnier M. La guerre lente ou la sterilisation des villes // Esprit. – 1973. – № 6.
17. Ronge V. Politoeconomische Planungsforschung//Politische Planung in Theorie und Praxis. – Muenchen, 1971.
18. Sadowski A. Proba wyjasnienia pojecia “ruralizacja”// Studia socjologiczne. – 1978. – № 4.

19. Schoeller P. Die deutsche Staedte // Geografische Zeitschrift. – 1967. – № 17.
20. Sterniczuk B. Nowe obszary zainteresowan zachodnioeuropejskiej socjologii miasta // Studia socjologiczne. – 1979. – № 4.
21. Szacky J. Szkola chicagowska i teoria Roberta Parka // Studia socjologiczne. – 1976. – № 1.
22. Szczepanski J. Socjologia. Rozvoj problematyki i metod. – Warszawa, 1967.
23. Wauer R. Urbanisierung und Urbanitaet//Architektur der DDR. – 1977. – № 7.
24. Weber M. Die Stadt // Archiv fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. – 1921. – Bd.47.
25. Wirth L. Urbanism as a Way of life // American Journal of Sociology. – 1938. – July. – P. 1–24
26. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
27. Кларк Д. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 3–4.
28. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46, ч. 1. – М., 1857.
29. Межевич М. Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социологические исследования. – 1978. – № 3.
30. Милютин Н. Проблема строительства соцгородов. – М.;Л., 1930.
31. Охитович. Не город, а новый тип расселения // Города социализма и социалистическая реконструкция быта: сб. статей / сост. Б. Лунин. – М., 1930 // Схватка Сабсовича с Охитовичем. Историческая дискуссия о социалистическом расселении [Электронный ресурс] // Русская жизнь. – 2007. – 26 окт. – URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/355/>.
32. Платонов К. Урбанизация, технизация и психика человека // Общество и здоровье человека. – М., 1973.
33. Сабсович Л. Социалистические города. – М., 1930.
34. Социально-культурные функции города и пространственная среда. – М., 1982.
35. Титма М. Субъективные предпосылки социалистического образа жизни // Социалистический образ жизни. – Таллин, 1978.
36. Трубина Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_70/6504-dzhungli-bazar-organizm-i-mashina-klassicheskie-metafory-goroda-i-rossijskaya-sovremennost.html.
37. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
38. Чиркунов О. У города должна быть мечта. – Пермь, 2011.
39. Яницкий О. Социальные проблемы урбанизации в условиях НТР // Проблемы современной урбанизации. – М., 1972.

Получено 31.01.12